



Дина Рубина

Майн пиджак ин вайсе клетка...

«ЭКСМО»

Рубина Д. И.

Майн пиджак ин вайсе клетка... / Д. И. Рубина — «Эксмо»,

ISBN 978-5-425-02129-8

Известная писательница Дина Рубина живет и работает в Израиле, однако ее книги пользуются неизменной популярностью на всем русскоязычном постсоветском пространстве. «...Их бин нервосо» – книга особенная. Жанр книги был определен автором как «свободный треп» и представлен читателю. Пишет Рубина легко и изящно. Основной материал книги – это современная израильская жизнь. Приземленная повседневность недавнего эмигранта и ностальгические воспоминания о советском детстве и юности. Смешные бытовые сценки, анекдоты из жизни русских израильтян, «трудности перевода» с иврита на русский и обратно. ... «читаем в разделе «Объявления»:

ISBN 978-5-425-02129-8

© Рубина Д. И.
© Эксмо

Дина Рубина

«Майн пиджак ин вайсе клетка...»

В ранней юности (а прошла она в Ташкенте, городе, по многим причинам, особом, и когда-нибудь я об этом напишу), варясь в крепком бульоне, настоящем на ста четырех национальностях, я была глубоко убеждена, что чувства, реакции и этические послы всех на свете людей соответствуют более или менее единому образу. Сейчас я понимаю, что Ташкент был уменьшенной моделью того самого плавильного котла, о котором так тоскуют американские и израильские социологи.

Кстати, до последнего времени я была уверена, что ташкентская модель оказалась более удачной, потому что... да Бог знает – почему! Возможно, потому, что речь идет о моих детстве и юности. Вообще, своей «ташкентскости», иначе говоря – провинциальности я перестала стесняться совсем недавно, постепенно осозная и даже любовно (потому, что запоздало) культивируя в себе теплую поэзию землячества.

Итак, под ташкентским солнцем я была – все мы, дети, были – некоей однородной смесью, некоей глиной, из которой формовался человек... я бы сказала, – «человек колониальный». И это была, осмелюсь утверждать, особая южно-пестрая порода свободно жестикующих, а вследствие этого и свободномыслящих, до известной степени, людей. Я училась в обычном классе обычной ташкентской средней школы. Он был ковчегообразен: несколько греков с именами героев Гомера, кореец Гамлет и кореянка Лира, татарин Альберт Хабибулин, армянин Вартан по кличке Ара, четыре украинца – Петренко, Балясный, Покойный и Жучок, немец Саша Миллер, семь или восемь узбеков, несколько более или менее русских мальчиков и девочек и целый отряд евреев, вернее, два отряда, потому что местные, бухарские евреи с ашкеназами не кооперировались. Так вот, дело не в том, что все мы дружно жили (жили по-разному), а в том дело, что стычки и разборки, неизбежные в детстве и отрочестве, национальный вопрос оставляли где-то на окраине сознания.

Не то, чтобы совсем его не было. А просто было много чего другого поважнее. В том числе, много чего – общего.

Необходимо помнить, что в те годы, запертые в обширной, но все же клетке Советского Союза, мы были лишены возможности сравнивать. Впрочем, у меня был мимолетный и забавный опыт общения с двумя молодыми французами.

После окончания первого курса консерватории мы с моей подругой поехали на каникулы в Ленинград, что само по себе явилось для нас довольно крепким культурным нокаутом. Однажды утром мы оказались на Центральном телеграфе, откуда обычно звонили домой. Уже собираясь уходить, обратили внимание на двух молодых людей, растерянно стоящих перед стендом с марками.

Это были семидесятые годы, когда по улицам Ленинграда расхаживали в затертых джинсах прозападно настроенные девушки со странно выстриженными затылками и чубами, и юноши с невиданными (у нас в Ташкенте) хвостами на головах и серьгами в ушах.

И вдруг тут, на Центральном телеграфе, явно разговаривая по-французски, стоят двое молодых людей, по виду очень похожих на ташкентских мальчиков из интеллигентных еврейских семей. Один был брюнетом, другой – веснушчато-рыжим, в скромных клетчатых ковбойках и темных брюках. Моя подруга учила французский и могла связать на нем несколько предложений. Мы подошли, она предложила помочь, мальчики ужасно обрадовались, и с полчаса мы довольно мило объяснялись по поводу коллекции советских марок (один из них, кажется, марки собирал). Наконец, французы расплатились, мы вышли из здания Центрального телеграфа и еще минут двадцать вместе шли по Невскому, пока не растались. Я-то учила немецкий, и брюнет немного по-немецки говорил.

Так вот, за несколько минут мы выяснили уйму вещей, не стану перечислять – каких, это скучно. Только одно:

узнав, что мы – студентки консерватории, рыженький объявил, что ужасно любит Гершвина. Мы взвыли, потому, что именно месяца за два до того в Ташкент приезжала какая-то иностранная оперная труппа, привозила «Порги и Бесс». И вот, не сговариваясь, одновременно с французами мы напели «Колыбельную» – довольно чисто, к обоюдному восторгу.

– Откуда вы так хорошо знаете языки? – спросил один из них.

– Мы изучаем их в консерватории, – гордо ответила моя подруга, и тогда брюнет хлопнул рыжего по плечу и воскликнул: «Смотри-ка, Поль, у нас в консерватории учат игре на разных инструментах, а у них – иностранным языкам!»

Но я не об этом. Тогда меня просто потрясла синхронность нашего музыкального выбора, наших предпочтений и общего вкуса. Этот случай довольно долго влиял на мои убеждения, даже в зрелом возрасте, сообщая им заметный либерально-космополитический уклон.

Кстати, похожий случай со мной произошел недавно, в Германии, в Гамбурге. Мы с моим менеджером опаздывали на выступление и вынуждены были поймать такси. Водитель, пожилой сумрачный немец, молча вел машину, казалось, не слушая, как моя спутница пытается по ходу из окна машины демонстрировать мне красоты Гамбурга.

– А это – памятник Генриху Гейне, – слева действительно что-то промелькнуло.

Водитель, не поворачивая головы, сказал:

– ХайнрихъХайне.

И тогда я, без особой задней мысли (перед выступлениями у меня вообще никаких мыслей не бывает), довольно элегично пробормотала то, что единственно помнила из школьной программы: «Ихъ вайс нихът, вас золь эс бедойтн, дас ихъ зо траурихъ бин...»

И вдруг водитель оживился, подхватил строчку, и мы дружно дочитали до конца Гейневскую «Лорелею»... Потом он сообщил, что за баранку такси сел недавно, с тех пор, как вышел на пенсию, а вообще-то он – оперный певец, правда, на небольших ролях, но пел и Ленского в «Евгении Онегине». На что я, обуреваемая родственными чувствами, сказала, что закончила консерваторию, и мы со стариком дружно спели арию Ленского, он по-немецки, я по-русски, – к потрясению менеджера (возможно, она даже задумалась – нельзя ли использовать меня на подмостках сцены еще и в таком качестве)...

Словом, вышло все очень трогательно. Но тогда мне уже было отнюдь не девятнадцать лет, и я вполне отдавала себе отчет в том, что любовь к музыке и сходные моменты биографий, конечно, роднят нас с этим пожилым немцем в чем-то уютно-малом, но не исключают наличия бесконечных жизненных плоскостей, в которых мы отдалены друг от друга на чудовищные расстояния...

Почему? Да потому, что на жизнь каждого человека, будь он хоть трижды раскосмополит, все же оказывает влияние такая штука: национальная самоидентификация.

От себя убежать трудно.

Один мой знакомый в застойных семидесятых работал на Таймыре одновременно в двух строительных конторах: русской и еврейской. И в той и в другой шаршили диссиденты, скрывавшиеся в глуши от властей. В первой шарашке – политические, во второй – сионисты.

– Знаешь, в каком пункте проявляется разность ментальностей? – рассказывал он. – В выпивке. Когда гуляли в русской шарашке, выпивка шла по следующему сценарию: первая стадия – ругали правительство. Вторая стадия – выясняли: кто кого уважает. Третья стадия – говорили о Боге.

В еврейской шарашке сценарий был такой: первая стадия – ругали правительство. Вторая стадия – спорили, чья мама лучше готовит. Третья стадия – говорили о болезнях.

Казалось бы – все вроде ясно: чем шире у человека воззрения, чем тоньше его культурные предпочтения, чем выше образование... Э-э, не все так просто! Во всяком, случае, не у евреев.

На моих выступлениях мне часто задают один и тот же вопрос: кем я себя ощущаю: русским писателем? еврейским писателем, пишущим на русском языке? или израильским русскоязычным писателем? И еще ни разу я не ответила на этот вопрос внятно, просто потому, что не знаю ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.